

ШИШКОВСКИЕ А и В. — в ПОМПОЛИТ

ШИШКОВСКИЙ Владимир, родился в 1863. Офицер царской армии, к 1917 — в чине подполковника в отставке. Женат на Александре Шишковской, поселился с женой на хуторе Ивановском, работал столяром, затем садовником, с марта 1920 — проживал в селе Борисовка, занимался сельским хозяйством. В 1929 — лишен избирательных прав, в 1930 — перебрался с женой в местечко Богуслав, безработный.

ШИШКОВСКАЯ Александра, родилась в 1873. Получила среднее образование. Замужем за Владимиром Шишковским.

В феврале 1932 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Александра Шишковская.

<14 февраля 1932>

Гражданка Екатерина Павловна!

Не откажите прочесть прилагаемое заявление. Из него Вы увидите, кто мы были и кем стали. В настоящее время жизнь наша стала невыносимо тяжелой. До сих мы едва существовали тем, что я имела 2 ничтожных урока по немецкому языку; теперь один урок прекращается за выездом, а жизнь в м<естечке> Богуславе (Киевск<ой> обл<асти>) сильно вздорожала: 1 ф<унт> ржаного хлеба стоит 2 р<убля> 40 к<опеек>, ведро картофеля 4-5 руб<лей>. Мы голодаем и при 23° мороза замерзаем без дров и без соответствующей одежды. Как жить — я не могу придумать! Если бы мы имели право голоса, то могли бы получить службу, при настоящих же условиях нас ждет голодная смерть. Как Вы видите из нашего заявления, мы усердно хлопотали о восстановлении избир<ательных> прав, но даже не получили ответа. Знакомые посоветовали обратиться к Вам.

На коленях умоляю Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, помогите нам Вашим содействием, чтобы нам вернули право голоса, и мы могли бы вновь стать равноправными гражданами и заработать кусок хлеба. Мы описали свое положение прямо, откровенно, без всякого обмана и только от Вас одной ждем спасения.

Я не в состоянии красноречиво описать наше ужасное положение, но, надеюсь, что Ваше доброе сердце будет за нас.

Не откажите мне ответить по адресу:

М<естечко> Богуслав, Киевской обл<асти>, ул<ица> Франка, № 20.

С истинным почтением остаюсь

Александра Шишковская.

14 февраля 1932 г<ода>.

Р. S. На ответ прилагаю марку»¹.

К письму был приложен копия письма, подобно которому супруги Владимир и Александра Шишковские подавали в президиум ВУ ЦИК, прокурору Украины и Генеральному прокурору, а также протокол собрания жителей села Борисоглеовки Черниговского уезда от 6 марта 1920 года

«Гр<ажд>н Владимира и
Александры Шишковских

Заявление

¹ ГАРФ. Ф.8409. Оп. 1. Д. 784. С. 205- 206. Автограф.

Я — быв<ший> подполковник царской армии после революции в августе 1917 г<ода> был уволен в отставку по болезни и старости и с сентября того же 1917 г<ода> поселился в с<еле> Незаможном (быв<ший> Борисоглебовка) Бюбечского района Черниговского округа на хуторе Ивановском в качестве столяра, а затем и садовника. На этом хуторе я с женою прожил безвыездно 12 лет без одного месяца.

После национализации хутора Ивановского, принадлежавшего Вильковской, я остался без работы. В марте 1920 г<ода> я и жена моя по нашей просьбе были приняты общим собранием граждан с<ела> Борисоглебовки в общество граждан села, признаны трудовыми и по земельному закону наделены трудовой нормой земли в количестве 2¼ дес<ятины> земли на двух, усадьбой и постройками из бывших помещичьих. С февраля того же 1920 г<ода> моя жена была зачислена на службу в Черниговский окр<ужной> отдел Наробраза на должность заведующей хатой-читальней и лектором 1-го разряда на политические темы, затем помощницей завед<ующего> рай<онной> библиотекой и заведующей этой самой библиотекой, прослужив непрерывно около 5 лет. Я же состоял школьным работником по ремеслу и завед<ующим> национализированным садом, бывшим в ведении Черниг<овской> рай<онной> сельхозсекции, и служил до упразднения этих должностей.

За 12 лет пребывания своего в с<еле> Незаможном, занимаясь сельским хозяйством и столярным ремеслом, несмотря на болезни и старость (мне 69 л<ет>, а жене 59 л<ет>), мы кое-как добывали себе пропитание, живя в большой бедности. Никакого доходного имущества мы никогда не имели. Хутор Ивановский принадлежал Вильковской, а не Шишковским, как это и зарегистрировано во всех надлежащих учреждениях Черниговского округа. Я никогда не имел никакой службы, кроме военной, где зарабатывал средства к жизни, продавая свои силы. Ни в каких контрреволюционных выступлениях мы участия не принимали, что подтверждается протоколом общего собрания граждан села от 6/III 1920 г<ода> и 12-летним безвыездным пребыванием в одном и том же селе; с гражданами села жили в мире. На прежних выборах мы пользовались избирательным правом, к выборам же 1929 г<ода> мы были лишены этого права на том основании, что "жили раньше на нетрудовой доход" (такого дохода мы никогда не имели), а председатель Мекшуновского сельсовета объяснил мне, что Мекшуновский сельизберком считал нетрудовым доходом то жалование, которое я получал в армии. В Конституции УССР ясно сказано, что нетрудовым доходом считаются <проценты> с капиталов, доходы с предприятий и прибыль с имущества. Однако, в Конституции не указано, что жалованье, получавшееся офицерами б<ывшей> царской армии, тоже относится к нетрудовому доходу, лишаящему права голоса, которым мы пользовались на выборах 1926 г<ода>. Такое расширенное толкование Конституции является произвольным. Категорически утверждаем, что никаких капиталов, предприятий и доходного имущества мы никогда не имели. Никакими документами и никакими проверенными свидетельскими показаниями, как это требуется постановлением Президиума ЦИКа СССР от 10/IV 1930 г<ода>, доказать, что мы имели нетрудовой доход, невозможно, так как этого никогда не было. Следовательно, лишение нас права голоса было необоснованно или основано на неверных сведениях, и нас ни о чем не спросили для выяснения вопроса. В Инструкции о выборах в советы (гл<ава> II) не указано, что офицеры б<ывшей> царской лишаются голоса. Таким образом, наше положение нельзя подвести ни под один § Инструкции о выборах. Секретариат ВУ ЦИКа поясняет, что лишение избирательных прав возможно только по точным признакам, означенным в выборном законодательстве.

В июле 1929 г<ода> комиссия врачей Любечского участка признала меня инвалидом II разряда с потерей трудоспособности на 80 %, а у жены моей правая рука сломана и малоподвижна с 1916 г<ода>.

В СССР самому тяжкому преступнику предоставляют все средства для защиты, мы же обращались в разные учреждения с просьбой о пересмотре нашего дела, но никакого ответа мы ниоткуда не получили.

Мы обращались:

1. В президиум ВУЦИК	26 апреля 1929 г<ода>.
2. К прокурору Украины	22 октября 1929 г<ода>.
3. В президиум ВУЦИК	24 ноября 1929 г<ода>.
4. В секретариат ВУЦИК	31 декабря 1929 г<ода>.
5. В Черниговскую комиссию по проверке списков лишенцев	1 апреля 1930 и 9 мая 1930
6. К Генеральному прокурору	15 апреля 1930 г<ода>.
7. В президиум ВУЦИК	11 октября 1930 г<ода>.
8. В президиум ВУЦИК	4 октября 1931 г<ода>.
9. В Харьковскую Центр<альную> Избир<ательную> комис<сию>	4 октября 1931 г<ода>.

Ни на одно из этих заявлений ответа мы не получили.

В настоящее время мы живем в м<естечке> Богуславе Киевской обл<асти>. Измученные своим бесправным положением, без всяких средств к жизни и по своему бесправию лишены возможности что-либо заработать, так как на службу нас не принимают, мы терпим крайнюю нужду, голодаем и обречены на гибель. Между тем, по своему образованию и знаниям мы могли быть полезными, когда так нужны интеллигентные работники.

Поэтому мы просим рассмотреть наше дело во всех деталях, запросив от нас необходимые сведения и разъяснения, решить его в строгом соответствии со всеми постановлениями о лишенцах, — вернуть нам право голоса, дабы мы могли где-либо заработать кусок хлеба. Детей мы никогда не имели и не имеем родных, которые могли бы нас содержать. Приложение: 4 копии необходимых документов.

О последующем решении просим нас уведомить по этому адресу:
г<ород> Богуслав, Киевск<ой>,
г<ород> Франка, № 20.
февраля 1932 г<ода>»².

«Протокол
общества с<ела> Борисоглебовки
Антоновской волости Черниговского уезда.

Сего 1920 г<ода> Марта 6 дня собрались граждане с<ела> Борисоглебовки на сельский сход, собрали временных председателя и секретаря собрания. Председателем собрания избран Иван Михайлович Ткаченко, а секретарем Михаил Новопашенный, после чего собрание было законно открыто.

К собранию лично обратился гр<ажданин>н с<ела> Борисоглебовки Владимир Витальевич Шишковский с просьбой признать его и жену его Александру Александровну трудовыми или нетрудовыми, как проживающих здесь уже четыре (4) года, и, на случай признания трудовыми, дать право ходатайствовать о трудовой земельной норме на две души, а также необходимую для жилища квартиру с сараем и гумном, как и обыкновенному гражданину для хозяйства в этом же хуторе Ивановска, где они, Шишковские, и проживают.

² ГАРФ. Ф.8409. Оп. 1. Д. 784. С. 207-209. Автограф.

Выслушав просьбу т<оварища> Шишковского, и по выслушании прений постановили: в виду того, что Владимир Шишковский с женою проживали уже безвыездно 4 года, с обществом жили все время хорошо, против Советской власти никаких контрреволюционных действий не проявлял, живет уже полгода в большой бедности (как нищий) — дать им, Шишковским, на две (2) души земельную трудовую норму и с построек квартиру, сарай и гумно»³.

³ ГАРФ. Ф.8409. Оп. 1. Д. 784. С. 209 об. Автограф.